

Административное и судебное устройство казахских степей в конце XIX века по материалам «Азиатской России»

Присоединение казахских степей к Российской империи завершилось в 1864 г. «Уже в 1864 г. отрядами нашими, под начальством М.Г. Черняева, Н.А. Веревкина и Г.А. Колпаковского, взяты были города Туркестан, Чимкент и др. Линия была сомкнута и протянулась от Аральского моря до гор Алатау. Степь была пройдена» [1, с. 36]. С этих пор вся территория казахов официально вошла в состав Российского государства. И российские исследователи активизировали изучение своих азиатских соотечественников.

В XIX в. русское востоковедение переживало значительный подъем [2, с. 112]. Большой вклад в изучение казахского края внес А.И. Левшин. Изданное в 1832 г. «Описание киргиз – казачьих или киргиз–кайсацких орд и степей» было переведено на несколько европейских языков, а заложенные учёным определенные стереотипы изображения казахов на долгое время определили содержательную и оценочную сторону всех последующих работ [3]. Также большое значение имели труды Г. И. Спасского, Ф.И. Германа, Н.Я. Бичурина, С.Б. Броневского, В.И. Даля и др. Во второй половине XIX в. большое внимание казахской историографии уделяли Н.И. Зибер, М.М. Ковалевский, Г.Н. Потанин, Г.Е. Грумм–Гржимайло и др. [2, с. 218]. Как отмечают советские исследователи, в этот период российское правительство поощряло и усилено насаждало официальное направление в востоковедение, стремясь подчинить научное изучение казахских степей задачам освоения края как колонии. Поэтому с усилением переселенческого движения в Азиатскую Россию, выросла потребность в топографическом, этнографическом и др. изучении края. «В связи с заселением новых пространств, шло изучение Азиатской России, и в итоге, в распоряжении ведомства постепенно скопились обширные материалы, касающиеся самых разных сторон жизни азиатской окраины» [1, с. 8]. «Обострение» интереса российские исследователи объясняли необходимостью «сделать общим достоянием новые материалы, во многом почерпнутые непосредственно из действительности, – в особенности теперь, когда связь между коренною Россией и ее окраинными оживилась и так заметно вырос общий интерес к Сибири и Туркестану» [1, с. 8].

Появление такого издания как «Азиатская Россия» было вызвано усилившимся переселением славянского населения в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию в нач. XX в., поэтому неудивительно что данный атлас был издан Переселенческим управлением Главного управления землеустройства и земледелия, под общим руководством Григория Вячеславовича Глинки, являвшегося в период 1905–1915 гг., начальником Переселенческого управления.

Структура «Азиатской России» схожа с аналогичными изданиями. «Атлас Азиатской России» состоит из двух томов, собравших статьи русских исследователей, сопровождаемых фотографиями и т.д. В двух томах издания имеются сведения в целом об Азиатской России, включающей в свой состав и казахские степи; в первый том вошли статьи историко–юридического и этнографического содержания («Люди и порядки за Уралом»), во второй – статьи естественноисторического и экономического характера («Земля и хозяйство»).

Глава «Азиатской России» «Административное и судебное устройство губерний и областей Азиатской России» состоит из двух разделов: раздел Административное устройство, состоящий из трех подразделов Сибирь и Дальний Восток, Степные области, Туркестанское генерал–губернаторство, и раздел Судебное устройство с двумя подразделами Низшие суды и Общие судебные места в Азиатской России. Статья была написана Георгием Константиновичем Гинсом (1887 – 1972), управляющим делами Совета министров Российского правительства (при А.В. Колчаке), являвшегося выпускником юридического факультета Санкт–Петербургского университета. Он служил в университете на кафедре Гражданского права и одновременно в Главном Управлении Землеустройства и Земледелия, где занимался вопросами переселения крестьян в Туркестан и степные области [4].

Границей между Европейской и Азиатской Россией являлись: на севере река Кара от истока до впадения в Карское море, затем Уральский хребет, река Урал на всем своем

протяжении, далее Каспийское море от устья Урала до города Баку, а оттуда Кавказский хребет до Черного моря. К западу от данной границы пролегла Европейская, а к востоку и югу – Азиатская Россия. Таким образом, к нач. XX в. Азиатская Россия состояла из Сибири (с Дальним Востоком), среднеазиатских владений (Казахстан и Средняя Азия) и Кавказского края империи (Закавказье). По площади занимаемой территории Азиатская Россия была втрое больше Европейской: в ней было 15 млн. верст² (16 млн. км²), в то время как в Европейской России – около 5 млн. верст² (5, 3 млн. км²) [1, с. 39].

В географические границы Азиатской России (без Закавказья) входило 7 губерний, 16 областей и 2 округа, часть Уральской области, которая чаще целиком относилась к Азиатской части России, и небольшие куски 3–х европейских губерний: Пермской, Уфимской и Оренбургской. Однако три последние целиком относились к Европейской части и в связи с этим административные границы не совпадали с географическими. При таких условиях в территорию Азиатской России входило 4 губернии: Тобольская, Томская, Енисейская, Иркутская и 15 областей: Забайкальская, Якутская, Амурская, Семипалатинская, Закаспийская, Самаркандская, Сырдарьинская, Ферганская и Семиречинская [1, с. 39].

Проживало на территории Азиатской России, по данным переписи 1910 г., всего 20 млн. чел., что в 1,5 раза превышало показатели переписи 1897 г., согласно которой численность населения Азиатской России была определена в 13,5 млн. чел. [1, с. 61]. Данное увеличение численности населения объясняется не естественным приростом местного населения, но в основном, за счет прилива за Урал населения извне (200 – 250 тыс. чел. в год).

Казахи, согласно русским исследователям, являлись наиболее обособленной и самой многочисленной группой среди инородного населения Азиатской России. Они распространялись на широком пространстве «от реки Урала вплоть до западной границы Енисейской губернии и от Сибирской железнодорожной магистрали на юг до границы России с Китаем и Персией» [1, с. 56]. Всего казахов к 1911 г. насчитывалось 4, 6 млн. чел. (4.692.000 чел) [1, с. 82]. Однако, исследователи отмечают, что к 1914 г. казахские степи стали наиболее быстро развивающимся в смысле колонизации краем Азиатской России, который стал активнее других районов заселяться русскими переселенцами. Таким образом, как положительный факт отмечается то, что численность русского населения к 1914 г. стала превышать численность коренного населения, что в свою очередь привело к постепенному сокращению земельного простора и заставило местное инородческое население переходить от «первобытных способов ведения хозяйства» – кочевой скотоводческой культуры – к оседлому земледельческому образу жизни [1, с. 57].

К 1914 г. казахские степи управлялись согласно «Положению об управлении степными областями» 1891 г. [5, с. 208]. Таким образом, Г.К. Гинс описывает административное деление казахских степей следующим образом: «Степными называют области Акмолинскую, Семипалатинскую, Семиреченскую, Уральскую и Тургайскую. Хотя Семиреченская область с 1897 г. входит в состав Туркестанского края, но и она, вместе с остальными перечисленными выше областями, управляется на основании степного положения.

Во главе Акмолинской и Семипалатинской областей (раньше и Семиреченской) стоит Степной генерал–губернатор... Семиреченская область входит в состав Туркестанского генерал–губернаторства и состоит в ведении Военного Министерства, а не Министерства Внутренних Дел, как все прочие степные области» [1, с. 55]. Казахстанский же исследователь А. Кузембайулы, в своем учебнике отмечает, что «на основании реформы 1967 – 1968 гг. вся территория Казахстана была разделена на три генерал–губернаторства, которые состояли из шести областей. В Оренбургское вошли Уральская и Торгайская области... Западно–Сибирскому генерал–губернаторству с центром в Омске подчинялись Акмолинская и Семипалатинская области. В состав Туркестанского генерал–губернаторства вошли Семиреченская область с центром в г. Верном и Сырдарьинская, областной центр которой находился в Ташкенте...

В 1891 г. было принято «Положение об управлении степных областей», существовавшие вплоть до 1917 г.... Все области, за исключением Сырдарьинской, вошли в состав Степного генерал-губернаторства» [5, с. 208].

Другой исследователь, Б.М. Абдрахманова, пишет об организации административного устройства казахских степей по Положению 1891 г. следующее: «Три области вошли: Акмолинская, Семипалатинская, Семиреченская остались в ведении Степного генерал-губернаторства, Тургайская и Уральская области, как и прежде, имели самостоятельные органы управления» [6, с. 93].

Исходя из вышесказанного, следует, что в связи с названием «степные области», произошла путаница. Г.К. Гинс под «степными областями» подразумевал только их географическую принадлежность, в то время как некоторые современные исследователи совершают ошибку, приравнивая «степные области» Степному генерал-губернаторству, и тем самым неправильно относя к Степному генерал-губернаторству Уральскую и Тургайскую области, которые находились в ведомстве Министерства Внутренних Дел, и ни в какое генерал-губернаторство не входили.

Завершая раздел об административном устройстве казахских степей, Г.К. Гинс, отмечает, что «своеобразие Степного края всецело определяется административным укладом кочевого населения и выражает недовольство тем, что казахские волости и аулы сами выбирают себе волостных управителей и аульных старшин. Он считал, что дозволенная широта власти не соответствовала «низкому уровню развития киргизского населения». Введение новой системы управления, считают современные исследователи, позволило родовой знати захватить все низшее звено административного аппарата, и на должности волостного управителя и родового старшины не всегда избирались авторитетные, болеющие за интересы народа, люди. Выборы обычно сопровождалась подкупами, подлогами, борьбой различных групп за власть, в связи с чем, развивалась коррупция. Исследователь Б.М. Абдрахманова пишет, что на аульный сход и волостной съезд, на которых производилась раскладка повинностей и выборы должностных лиц, попадали избиратели от каждых произвольно взятых десяти и пятидесяти «кибиток». Поскольку в состав «аула», группировались несколько традиционных казахских аулов, интересы которых зачастую были противоположны, то этот «избиратель» не был выразителем единого интереса какого-то общества. Поэтому лицо, стремящееся быть избранным на должность аульного старшины или волостного управителя, старалось подкупить этих людей или применяло все средства к тому, чтобы избирателями стали его сторонники [6, с. 86]. Из всего вышесказанного следует, что причиной указанных Г.К. Гинсом «злоупотреблений» являлось введенное Российским правительством административное устройство, нарушавшее традиционный строй казахского общества. Но как верноподданный Российской империи и сторонник проводимой правительством политики, он не мог этого признать, поэтому причиной возникающих негативных последствий он считал неразвитость казахского народа и тем самым его неспособность к самоуправлению.

Относительно судебного устройства русский исследователь дает следующее описание: «Суд происходит по «обычаю», адату, но допускается и применение шариата, писанного мусульманского права. Суд находится под надзором уездных начальников и участковых приставов в Туркестане и крестьянских начальников – в Степном крае. Народные судьи избираются на три года съездами волостных выборных, утверждаются в должности военными губернаторами и подлежат ответственности только по определениям областных правлений» [1, с. 70].

Особенностью организации народных судов, исследователь отмечает то, что их решения и приговоры не доходили до областных учреждений, а в случае превышения власти или вынесения решений, по делам, «народному суду неподсудным», данные решения не приводились в исполнение, а представлялись административному прокурору. Последний вносил их для отмены своим протестом в местный окружной суд, который рассматривал это дела в порядке надзора и решал «соответственно законоподсудности». Эта возможность отмены окружными судами решений и приговоров народного суда по протестам прокурорского надзора

ставила народные суды в некоторую связь с судебными учреждениями империи. Исходя из последнего, следует, что народные суды не были самостоятельными в полной мере, но если по «Временному Положению» 1968 г. народный суд был практически парализован, определенной регламентацией введенной российским правительством, что приводило к тому, что русской администрации приходилось постоянно вмешиваться в гражданско-правовые процессуальные стороны деятельности народного суда, в связи с чем у местных органов власти возникало много проблем, то в Положение 1981г. ослабило данную регламентацию, сохраняя, тем не менее, связь между народным судом и Областными правлениями [6, с. 96].

В итоге, Г.К. Гинс пишет, «что народный суд, в общем, стоит на очень низкой ступени правосудия. Невежественные судьи, зависимые от партии их выбравшей, от рода, из которого они происходят, от главарей, которые являются заправилами, конечно, не могут считаться судьями «праведными и «нелицеприятными»» [1, с. 60]. Но мнение это является субъективным, так как уже отмечалось выше, причиной прихода к власти несправедливых и коррупционных судей, по нашему мнению, явились сами реформы, российского правительства в попытках построить административное и судебное устройство в казахских степях по образцу Российского. Потому что по материалам Кунсткамеры, следуя традиционным юридическим нормам казахов, функции бия выполнял обычно любой свободный мужчина, обладающий общественным авторитетом и знанием норм обычного права. Авторитет бия зависел от справедливости вынесенных им решений и способности удовлетворить обе стороны, примирить спорящих и прекратить конфликт [7, с. 65].

Итак, в исследовательской литературе появляются полярные мнения. В то время как Г.К. Гинс оценивает изменения в административном и судебном устройстве, как положительный процесс, отмечая, желательность перехода к общерусскому укладу и сельскому образу жизни и считая необходимым перевод управления казахскими степями по образцу Российской империи, современные исследователи считают иначе, что сосредоточив всю высшую власть в руках российских чиновников, Положение 1891 г. окончательно превратило край в колониальную окраину империи, ускорив освоение казахских степей.

Кожабергенова А.Е., студентка, Сактаганова З.Г., д.и.н., профессор

1. Атлас Азиатской России. Том I // Издано под руководством Г.В. Глинки. Текст редактирован И.И. Тхоржевским. Общая редакция карт – М.А. Цветков. – Санкт-Петербург: Переселенческое управление, 1914. С.576

2. Масанов Э.А. Очерки истории этнографического изучения казахского народа в СССР. – Алма-Ата: изд-во «Наука» Казахской ССР, 1966. – 322 с.

3. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. – СПб.: типография Карла Кайл, 1832 г. – 301 с

4. Гинс Георгий Константинович // http://storysibaka.ucoz.ru/index/istorija_sibaki_v_licakh/0-139

5. Кузембайулы А., Абиль Е.А. К 89 История Казахстана: Учебник для вузов. 8-е изд. перераб. и доп. – Костанай: Костанайский региональный институт исторических исследований, 2006. – 350 с.

6. Абдрахманова Б.М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в 21 веке. – Караганда: типография «Глассир», 2010. – 380 с.

7. Казахская традиционная культура в собраниях Кунсткамеры/ Гл. ред. Е. Саиров. – Алматы, 2008. – 224 с.

8. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. Том 3. – Алматы: «Атамара», 2000. – 768 с., илл., карты.

9. Букейханов А. Таңдамалы (избранное)/Гл. ред. Р. Нургалиев. – Алматы: «Қазақ энциклопедиясы», 1995. – 478 с.